

Смысл жизни: в чем смысл жизни?

Серафим Саровский так определил смысл жизни
христианской:

*«Истинная цель жизни нашей
христианской состоит в стяжании Духа
Святого».*

Какое место смерть занимает в жизни человека?

О смерти, наверное, написано и сказано практически все, и добавить к этому что-либо трудно. Однако, если мы посмотрим, какое место занимает смерть в жизни человека, в его реальной жизни, повседневных заботах, мыслях, предметах, то увидим, что это место ничтожно мало, значительно меньше, чем какое-нибудь изменение фасона одежды или скандала вокруг рок-звезды. И, как писал один старый автор, самая большая, самая разительная, самая-самая страшная нелогичность в жизни человека — это та, что он

не готовится к смерти, не готовится к тому, что в жизни его является самым верным и неизбежным.

Психолог такую ситуацию объяснит довольно просто. Он скажет, что смерть вытесняется из сознания, из психики, и что это вытеснение необходимо и даже полезно, отчасти об этом уже говорил Федор Ефимович Василюк. На самом деле, если мы задумаемся о смерти то, как мы сможем продолжить эту часто суетную жизнь, как мы будем делать все наши дела и делишки?

И, действительно, получается такая коллизия, о которой сегодня говорили, которая идет еще от блаженного Августина: «Пока мы живы, смерти нет, а когда умрем, не будет жизни». Эти состояния разделены, и вопрос в том, как их искать вместе.

Но тем не менее и в психологическом плане смерть встречается с жизнью. Причем она встречается с жизнью не где-то на периферии коллизий психической реальности, а в очень важном, едва ли не центральном месте. Это место — проблема **смысла жизни**.

Смысл жизни

Для того, чтобы как-то подтвердить эти слова, позволю себе небольшое психологическое отступление. Что есть смысл? Смысл не есть предмет, название, слово, Смысл — это улавливаемое нами, отражаемая связь между предметами. Обычно это связь между предметами и ситуацией меньшей по отношению к ситуации большей. Скажем, понять смысл того, почему вы пришли на эту конференцию, исходя из этой конференции, невозможно. В каждом случае мы должны выйти за границы этой конференции, и тогда окажется, что один, скажем, пришел, чтобы получить знания, другой — чтобы написать диссертацию, третий — себя пока-

зять и т. д. То есть в каждом случае мы должны выйти из данной ситуации и войти в контекст ситуации более широкой.

Далее. Каждый смысл возгоняется, восходит по вертикали в некую иерархию, лестницу, потому что ответ, что я пришел себя показать, тут же подразумевает новый вопрос: а ради чего ты хочешь себя показать? И там приходится отвечать: ради того, что я обладаю такой профессией или еще что-то. Вопрос о профессии вновь подразумевает вопрос: а ради чего тебе эта профессия?

И такая возгонка неизбежно ведет к последнему вопросу: ради чего ты живешь?

И вот здесь мы вновь обнаруживаем себя в ситуации: понять *смысл жизни*, исходя из жизни, из ее контекста и ситуации — нельзя по определению. Потому что по определению: смысл есть отношение меньшего к большему.

Смысл жизни как проблема, как сам вопрос может быть поставлен лишь в том случае, если мы отнесем его к чему-то, что более нашей жизни, что выходит за грань нашей жизни. Именно здесь происходит реальная встреча со смертью.

И эта возгонка подразумевается в нашей жизни, даже когда мы ее и не осуществляем. Подобно тому, как в Римской империи все дороги вели в Рим, все вопросы о смысле, или точнее, о смыслах, разлитых в нашей жизни, так или иначе ведут к этому главному и существенному смыслу жизни.

И последнее, когда мы говорим о смыслах, то речь не идет о некоторых декларациях, которые человек произносит. Речь идет о внутренней субъективной реальности. Смысл — это суверенная территория души. Поэтому смысл нельзя навя-

зять, его нельзя преподать. Истине не обучаются, истина переживается. Это старое положение философов.

Когда происходит встреча со смертью? В онтогенезе, т. е. в ходе индивидуального психического развития это происходит несколько раз. Ведь постановка вопроса о смысле жизни — это вечная по сути дела постановка. Здесь нет какого-то определенного ответа на всю жизнь. Но острота высвечивания этой проблемы приходится на главные, переломные моменты человеческой жизни.

У Маршака есть такое стихотворение «Четыре года без смерти». Он вспоминает, что до четырех лет он был бессмертен, т. е. смерть в это время как бы не присутствовала в его жизни, а в четыре года он вдруг понял, что когда-то умрет, конечно, в бесконечном пространстве-времени, но умрет. Как он горько это переживал, плакал.

Затем смерть появляется в очень важном возрасте — примерно в 9-10 лет. Это вообще довольно таинственный возраст, потому что в эти годы человека очень часто сопровождают тяжелые болезни, выводящие его на грань смерти. Если просмотреть биографии многих людей, то обнаружится, что в этот период жизни многие из них были тяжело больны.

Затем следует подростковый период. Это конечно, наиболее драматический возраст. Главный драматизм подросткового возраста заключается в том, что здесь впервые с полной отчетливостью и ясностью человек понимает свою смертность. В подростковом возрасте появляются первые самоубийства, появляются первые игры с этой гранью. И как мы знаем, подростковый возраст — это наиболее возвышенный, философский возраст, когда человек решает проблемы связанные со всем своим будущим, со всем смысловым содержанием смысла жизни.

Далее, следует выделить кризис, манифестируемый достаточно ярко в 30-летнем возрасте. За ним с периодичностью примерно в 10 лет следуют кризисы смысла жизни 40 лет, 50 лет, и т. д.

Помню запись 51-летнего Толстого в «Исповеди». Он пишет: «две мыши — белая и черная — то и дело подтачивают корни куста, на ветвях которого я вишу над пропастью. Я держусь за ветви жизни, зная, что неминуемо меня пожрет дракон смерти».

Вопрос о смысле жизни

Помимо закономерностей возрастных, есть и структурные закономерности в решении вопроса о смысле жизни. Они теснейшим образом связаны с теми ступенями или структурами смысловой сферы, которые можно наметить.

Можно говорить об эгоцентрическом уровне, когда человек воспринимает себя как единицу, центр, а другие, все окружение выполняет служебную роль в зависимости от того, помогают они его желаниям или нет. Если помогают — они хорошие, если не помогают, то они враги. Смерть здесь воспринимается как конец личного благополучия, как стимулятор эгоцентрической работы. Соответственно смысл жизни рассматривается как увеличение суммы личных достижений вне зависимости от блага других людей.

Смерть такого человека как бы уничтожает его, все становится бессмысленным после его смерти.

Следующий важный уровень — это группоцентрический, где центральной является группа, общность, с которой человек себя идентифицирует. Отношение к другим тесно зависит от того, принадлежит он к этой группе или не принадлежит. Если принадлежит, то другой человек достоин жалости, сожаления, любви, снисхождения. Если не при-

надлежит, то эти чувства на него могут не распространяться. В этом случае смысл жизни уже выходит за грани смерти человека, и он видится в жизни, благополучии той группы, с которой он себя идентифицирует. Мы все жили в таком мире, где такая центрация была официальной: «забота у нас такая, работа у нас большая — жила бы страна родная, и нету других забот!» «Гвозди бы делать из этих людей, не было б в мире крепче гвоздей!» И так далее. Здесь главный смысл заключается в том, чтобы жил определенный «кусочек» общности. Он может быть разным — от семьи до страны. Он может быть совершенно разным по объему, но психологически — это одно и то же: жили бы «мои», жили бы «мы», «наши», а что касается остальных, то это безразлично.

И, наконец, следующая ступень, которую можно назвать гуманистической, про социальной. На этой ступени любой другой человек, принадлежит он моей группе или нет, обладает в смысловом восприятии такой же ценностью, как я сам. На этой ступени впервые появляется нравственность, потому что до этого о нравственности мы говорить не можем. Можно говорить о морали: группо-центрической или корпоративной. Но мораль, как известно, есть во всех слоях общества, начиная от преступников и кончая работниками торговли и т. д. Только на уровне нравственного сознания начинает действовать императив Канта или если говорить проще, старое золотое правило этики: поступай с другим так же, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой. В качестве примера переживания подобного нравственного состояния можно сослаться на 37-летнего Эйнштейна, который во время тяжелой, угрожающей смертью болезни писал: «Я настолько чувствую связь с другими людьми, что мне все равно, где кончается моя жизнь» отсюда и смысл жизни.

На уровне нравственного сознания смысл жизни более широкий и светлый, чем тот, который присутствует в групповой морали. Он преобразует деятельность человека, хотя этот смысл относится ко всему человечеству, он, строго говоря, конечен, поскольку конечно человеческое существование и человечество как таковое также конечно. Другое дело — в каких масштабах и сроках эта конечность заключена.

И, наконец, последняя ступенька, которую можно обозначить, — это ступень духовная или эсхатологическая. На этой ступени человек начинает рассматривать себя как существо, связанное, соотнесенное с духовным миром. Тогда он сам и любой другой человек приобретает не только гуманистическую, общечеловеческую, но и определенную сакральную ценность. Здесь, на этой ступени, устанавливается его личная «формула», связь с духовным миром, личная форма связи с Богом. На этой ступени смерть рассматривается вообще не как конец личного бытия, а как переход от одного состояния жизни к другому, переход от изменений душевно-телесных к изменениям духовно-бестелесным. И по сути на этой ступени и только на этой ступени возможно появление бесконечного смысла жизни, смысла жизни, не уничтожимого фактом физической смерти.

Жизненная коллизия разрешается нахождением смысла жизни только в религии. Поэтому смерть называют козырной картой религии, в частности, постигая нашу культуру, козырной картой христианства. Потому что другие подходы не могут покрыть эту карту.

В заключение я хотел бы вернуться к сомнению, которое было высказано старым автором о том, что стоит ли людям думать о смерти пока они живы. Это сомнение принадлежит многим психологам, которые считают, что мысль о

смерти надо вытеснять, поскольку она только мешает жизни. На самом деле то или иное решение вопроса о смысле жизни, которое, как я пытался показать, необходимым образом связано со смертью, играет едва ли не важнейшую роль в организации жизни человека, в организации самых разных проявлений этой жизни.

Если говорить о медицине. Медицина не может существовать вне концепции жизни и смерти. Я позволю себе сказать, что она начинается с этой концепции. Более того, позволю себе высказать утверждение, что если нет этой концепции, то это не медицина вообще, какими бы инструментами она ни обладала. Потому что основы медицины были заложены Гиппократом, его клятвой. В клятве речи нет ни о каких инструментах. В ней речь идет об определенной организации на подобии ордена. Врач — это не профессия наряду с другими типа слесарь-сантехник или инженер. Это особая профессия, в которую должны входить люди с особым сознанием и призванием.

Возьмем любое проявление современной медицины, о которых очень хорошо говорила Валентина Васильевна Николаева, например отношение ребенка к ситуации болезни. Дети в больницах не играют, они замкнуты, они фиксированы на своих родителях, они воспринимают болезнь только как ограничение. Все это целиком относится к советской больнице.

Все это соответствует в лучшем случае уровню группоцентрической морали или группо-центрическому пониманию смысла жизни, потому что в центре советской больницы находится болезнь, а не человек, не ребенок.

Если бы в центре нормальной больницы находился ребенок, то тогда все было бы повернуто по-другому. Потому что задача врача и задача такого рода больницы, где нахо-

дятся дети, тяжело больные дети, — сделать так, чтобы они там жили, а не просто лечились. Сейчас лечение — центр больничного распорядка, к которому приноравливается жизнь больного ребенка. Нужно повернуть наоборот. В центре — жизнь ребенка, ее смысл. Лечение — это средство, «которое должно пристраиваться» и соответствовать смыслу жизни ребенка.

И такие больницы есть. У нас, правда, я их не видел. Я видел их за границей. В подобной больнице ребенок может жить, общаться со сверстниками, шутить. Он не будет зафиксирован на родителях.

Все эти вопросы являются ключевыми. Если они не будут решаться, если на понимании смысла жизни не будет строиться образование медиков, то тогда мы так и останемся на представлении о человеке как организме, которым надо манипулировать, вырезать его органы, торговать ими или передавать по наследству и т. д.

Понимание **смысла жизни**, возгонка этого понимания до уровня подлинных духовных ценностей является основанием человеческой медицины.

Православный мир

